

Р. М. Лазарчук

НОВЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ К. Н. БАТЮШКОВА

(О ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ ПОЭТА)

Вплоть до недавнего времени единственной биографической книгой о Батюшкове оставалась монография Л. Н. Майкова, изданная к 100-летию со дня рождения поэта. 1987-й, юбилейный, год прибавил к ней «документальное повествование» В. А. Кошелева «Константин Батюшков. Странствия и страсти», «документальную повесть» для детей В. Афанасьева «Ахилл, или Жизнь Батюшкова». Тем заметнее обозначился пробел: о детстве К. Н. Батюшкова биографы всегда пишут предельно кратко — слишком мало фактов, почти нет документов, и потому так приблизительны представления. Мы не знаем *точно*, когда лишилась рассудка мать поэта А. Г. Батюшкова. Л. Н. Майков полагал, что это произошло «чрез некоторое время по рождении сына».¹ Предположение? Безусловно. Но ведь именно оно влечет за собой догадку современного исследователя: «В этой ситуации дети оказывались лишними, требовалось удалить их от матери. Поэтому три старшие дочери определяются в петербургский пансион... младшие дети (Константин и Варвара, — Р. Л.) отправляются в Даниловское».² За догадкой — уже совершенно естественно — появляется новое допущение: первым учителем, «самым вероятным „воспитателем“ поэта» оказывается его дед Л. А. Батюшков (с. 174). Будучи только предположениями, эти

суждения незаметно приобретают характер утверждения, когда, принятые на веру, без доказательств, становятся «исходными посылками» и ведут к новым «заключениям». Так совершается опасная подмена. Догадки претендуют на то, чтобы создать иллюзию ясности.

Человек без детства... Именно так чаще всего изображают К. Н. Батюшкова биографы: «Его детство было окрашено трагическими обстоятельствами, наложившими отпечаток на всю его дальнейшую жизнь. Вскоре после рождения Константина... его мать психически заболела и умерла, когда будущему поэту было восемь лет. Воспитание детей легло на плечи отца, человека просвещенного, но тяжелого и неуравновешенного, с юности уязвленного незаслуженной опалой, постигшей его из-за родственника, замышлявшего заговор против Екатерины II».³ Все лучшее в Батюшкове, человеке и поэте, исследователи неизменно связывают с М. Н. Муравьевым. Влияние неоспоримое, засвидетельствованное самим Батюшковым. Но почему мы не видим в его жизни других «благородных руководителей» и «наставников»?⁴ Почему мы вообще воспринимаем Батюшкова как личность лишь с того момента, когда Муравьев заметил его талант? Может быть, потому, что в сущности ничего не знаем о тех, кто дал ему жизнь? Скажем прямо: в нашем распоряжении нет материалов, позволяющих дать точные ответы на все эти вопросы. Но есть документы, неопровержимо доказывающие ложность некоторых привычных «истин»: есть новые факты биографии отца и матери К. Батюшкова. Разрозненные, но точные, они интересны и ценны уже

¹ Майков Л. Батюшков, его жизнь и сочинения. Изд. 2-е, СПб., 1896. с. 8.

² Кошелев В. А. К биографии К. Н. Батюшкова. — Русская литература, 1987, № 1, с. 173. То же: Кошелев В. Константин Батюшков. Странствия и страсти. М., 1987, с. 15. В дальнейшем ссылки в тексте даются на статью, так как интересующий нас период жизни К. Н. Батюшкова представлен в ней более обстоятельно. В случае разночтений цитируется книга.

³ Зорин А. Л. Несчастный счастливцев. — В кн.: Батюшков К. Н. Избр. соч. М., 1986, с. 4.

⁴ Майков Л. Указ. соч., с. 15, 16.

потому, что на определенном этапе перестают быть подробностями жизни провинциального чиновника и его жены и становятся деталями биографии поэта. Постигая судьбы родителей, мы несомненно приближаемся к сыну, потому что детство — это корни, традиции, первые нравственные уроки, это все или почти все в характере человека, потому что:

От первых впечатлений,
От первых, свежих чувств заемлет силу
гений
И им в теченьи дней своих не изменит! ⁵

Л. Н. Майков считал, что важнейшим обстоятельством, обусловившим жизненную судьбу и характер Н. Л. Батюшкова, была несправедливая опала, тяготившая над ним с юности.⁶ Опала помешала его служебной карьере. Опала определила и его жизненную позицию. «Подобно большинству насильственно отстраненных от служебно-политического поприща родовитых дворян XVIII века, он занялся чтением и пополнением своего образования, став знатоком и почитателем французской литературы и просветительной философии и великим книголюбом, собравшим в своей родовой... усадьбе богатейшую библиотеку», — пишет Д. Д. Благой.⁷ Это традиционное для нашей науки представление недавно было опровергнуто В. А. Кошелевым как «несоответствующее действительности»: «...никакой серьезной опалы в отношении Николая Львовича не было», он дослужился до губернского прокурора, «должности для губернского города... немалой» (с. 171, 172). Итак, опальный дворянин или преуспевающий чиновник... Где же истина? Концепция Л. Н. Майкова основывается на предании. В. А. Кошелев пытается противопоставить ей документальные свидетельства. Но документов у него немного, в сущности один, относящийся к военной службе Н. Л. Батюшкова и датированный 1774 годом. Почти пятнадцатилетняя гражданская служба Н. Л. Батюшкова и даже отдельные моменты его жизни за 1782—1795 годы реконструируются В. А. Кошелевым только по «Месяцесловам...», источнику, как мы убедимся, не всегда надежному. К тому же обстоятельства, сопутствующие «перемещению по службе», порою могут рассказать больше, чем само «перемещение», но об этом адрес-календари умалчивают.

В «служебной» биографии отца поэта В. А. Кошелев выделяет два этапа: военная служба с 1764⁸ до 1780 или 1781 года (предположительно) и штатская («начиная с 1782 г. он упоминается в „Месяцесловах...“ состоящим в гражданской службе по Вологодскому наместничеству», с. 171). Документы убеждают в иной хронологии. Военная служба Н. Л. Батюшкова продолжалась с 1767 по 1777 год.⁹ Его отставка вызвана, скорее всего, длительной болезнью, упоминание о которой находим в письмах М. Н. Муравьева отцу от 21 января и 11 июля 1776 года: «Николаю Львовичу отсрочка дана...»; «Николай Львович в деревне и все еще болен».¹⁰ Штатская служба началась для отставного поручика Батюшкова в 1781 году.¹¹ Никаких противоречий с данными «Адрес-календаря...» нет. Датируя начало гражданской службы отца поэта 1782 годом, В. А. Кошелев не учитывает того, что в «Месяцесловах» с росписью чиновных особ в государстве при начале сего... года» сообщались сведения предыдущего года. Присланная из Вологодского наместничества ведомость составлена 20 декабря 1781 года. «Со списком Герольдмейстерской канторы» она сверена 24 апреля 1782 года.¹²

В течение нескольких лет (1777 (?), 1778—1780, 1781 (?)) Николай Львович

⁸ Дата установлена на основе хранящегося в ЦГИА свидетельства военной коллегии. Заметим, что в «Промемории из Государственной военной коллегии... в Герольдмейстерскую кантору» названа другая дата: «...в службе он состоит с 767» (ЦГАДА, ф. 286, оп. 1, кн. 567, л. 806).

⁹ «...Я с 1767-го по 1777-й год продолжал военную службу, а с 1781-го года поныне находился в штатской» (Прошение Н. Л. Батюшкова Павлу I. — ЦГАДА, ф. 1239, оп. 3, ед. хр. 63947, л. 2, об.; Прошение Н. Л. Батюшкова Павлу I. — Там же, ед. хр. 55091, л. 1). См. также: Списки состоящим в гражданской службе чином на годы с 1795 по 1815 гг. [СПб., 1795—1815].

¹⁰ Отдел письменных источников Государственного исторического музея, ф. 445. Собрание Чертковых, ед. хр. 48.

¹¹ См.: Список удостоверяемых от действительного тайного советника генерал-прокурора... к получению ордена Св. равноапостольного князя Владимира: «...надворный советник п. Вятского наместничества губернский прокурор Николай Батюшков... продолжая службу свою в прокурорском звании с 1781 года» (ЦГАДА, ф. 248, оп. 81, кн. 6683, ч. I, л. 790, об.). Та же дата и в датированных выше прошениях Н. Л. Батюшкова Павлу I.

¹² Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето... 1782, с. 354, 360.

⁵ Батюшков К. Н. Соч. СПб., 1887, т. 1, с. 203.

⁶ Майков Л. Н. Указ. соч., с. 7.

⁷ Благой Д. Судьба Батюшкова. — В кн.: Благой Д. Три века: Из истории русской поэзии XVIII, XIX и XX вв. М., 1933, с. 17.

был «не у дел». Ответить на вопрос, где он жил, в чем состояло его главное занятие, трудно. Реконструкция поддается лишь небольшой временной отрезок (конец декабря 1780 года—середина июля 1781 года), когда, судя по письмам М. Н. Муравьева отцу и сестре, Н. Л. Батюшковым находился в Петербурге. Первая дата приближительна. Не исключено, что Батюшков приехал в столицу гораздо раньше. 31 декабря 1780 года М. Н. Муравьев сообщает отцу о двоюродных «братцах» Николае Львовиче и Павле Львовиче, с которыми он «довольно часто видится».¹³ Но в собрании ИРЛИ это единственное письмо за 1780 год. Николай Львович уже женат.¹⁴ 10 марта 1781 года к нему «приехала Александра Григорьевна Батюшкова».¹⁵ Упоминания о Н. Л. Батюшкове в письмах М. Н. Муравьева всегда лаконичны, но часты и неизменно — по-родственному, по-дружески — теплы. Только в письме к отцу от 17 мая 1781 года появляется намек на цели пребывания Батюшкова в Петербурге: «О Николае Львовиче писал я рано: он еще не определен».¹⁶ Предыдущее письмо датировано 29 апреля. Перебыв почти в 20 дней. Обычные для переписки М. Н. Муравьева паузы не превышают 3—4 дней. Письма с информацией о несостоявшемся назначении Батюшкова в собрании ИРЛИ нет. 13 июля 1781 года Батюшковы покидают Петербург («Сегодня отправился Николай Львович, после разных остановок»)¹⁷ Однако указ об «определении в Великоустюжский губернский магистрат прокурором поручика Батюшкова» последовал только 22 октября 1781 года. Для назначения на это более чем скромное место Николаю Львовичу потребовалось дать «подписку в том: когда его сиятельством действительным тайным советником генерал-прокурором... князь А. А. Вяземским удостоен я буду в Великий Устюг в губернский

магистрат прокурором и правительствующим Сенатом в тот чин пожалован буду, то от пожалованья моего с того места чрез пять лет увольнения не просить (курсив мой, — Р. Л.), в чем и подписуюсь».¹⁸ Этот любопытный документ датирован 15 октября 1781 года. 11 января 1782 года коллежский ассessor Николай Батюшков приступил к исполнению должности.¹⁹ Возможность переезда отодвигалась на пять лет. 14 августа 1783 года Н. А. Муравьев предпринимает попытку добиться через генерал-прокурора А. А. Вяземского перевода Н. Л. Батюшкова («племянника моего») в Вологду, на открывшуюся в верхней расправе «прокурорскую ваканцию».²⁰ Спустя некоторое время нетерпеливый дядя повторяет просьбу, присвокупив к ней напоминание о том, «что Батюшков с самого его определения в прокуратуры не бывал в отпусках».²¹ Разрешение на трехмесячный отпуск (в ответ на свое прошение) Николай Львович получил еще 9 августа.²² Находящийся в Твери дядя об этом пока не знает. Напоминание же скорее характеризует беспокойную натуру Н. А. Муравьева, но, очевидно, основания для тревог у него были. Просьбы сенатора, тайного советника Н. А. Муравьева остались лежать в книге «Партикулярные письма от разных особ. на кои не ответствовано». Трудно представить, чтобы постоянный ходатай Батюшкова (а в этом мы еще не раз убедимся) не принял участия в судьбе племянника тогда, когда тот ожидал в Петербурге «определения к месту». С 25 января по 28 марта 1781 года Никита Артемонович находился в столице по служебным делам.²³ У него было рекомендательное письмо к А. А. Безбородко. Он встречался с А. А. Вяземским. Его представили императрице. Он говорил с ней и «с таким успехом, как... лучше не желал бы».²⁴ Конечно, действительный стат-

¹³ ИРЛИ. Р. П. оп. 1. ед. хр. 261. Муравьев М. Н. Письма его к отцу, Н. А. Муравьеву, с приписками к сестре — Ф. Н. Муравьевой 1779—1781 годов, л. 3, об.

¹⁴ В. А. Кошелев предполагает, что женитьба Н. Л. Батюшкова состоялась в 1782 году, когда он уже служил в Великом Устюге (с. 171).

¹⁵ ИРЛИ. Р. П. оп. 1. ед. хр. 262. Письма М. Н. Муравьева сестре Ф. Н. Муравьевой. л. 2. Письмо от 11 марта. Дата — 1780 год — поставлена М. Н. Муравьевым ошибочно. Из контекста видно, что описываемые им события происходят в 1781 году (см. письмо сестре от 15 марта 1781 года: «Вчера была у нас в первый раз Александра Григорьевна Батюшкова» — л. 35, об.).

¹⁶ ИРЛИ. Р. П. оп. 1, ед. хр. 261, л. 39, об.

¹⁷ Там же, л. 59, об.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 248, оп. 80, кн. 6529, № 94, л. 532. В доказательство того, что Н. Батюшков «неплохо продвигался по службе», В. А. Кошелев пишет: «... в 1776 году был уже штабс-капитаном» (*Кошелев В. Константин Батюшков. Страсти и страсти*, с. 14). Источник сведений не назван. Документы свидетельствуют, что в отставку Н. Л. Батюшков ушел в чине поручика.

¹⁹ Там же, л. 538.

²⁰ Там же, ф. 248, оп. 148, кн. 6509, ч. 1, л. 194. Н. А. Муравьев и Л. А. Батюшков (дед Константин Николаевича) были женаты на сестрах Ижориных.

²¹ Там же, л. 195.

²² Там же, оп. 80, кн. 6553, № 52, л. 427—430.

²³ Даты установлены по письмам М. Н. Муравьева сестре. — ИРЛИ. Р. П. оп. 1, ед. хр. 262, л. 9, 43.

²⁴ Там же, л. 9, 14, 23.

ский советник, тверской вице-губернатор Н. А. Муравьев — человек для петербургских кругов не очень влиятельный (и собственная карьера давалась ему не без трудов),²⁵ но ведь и притязания Н. Л. Батюшкова с самого начала не распространялись дальше получения места «в Вологодской области по причине имеющих там его деревень».²⁶ Отчего же это столь умеренное желание оказалось неосуществимым? Почему «определение» Николая Львовича «к месту» затянулось почти на год? Н. А. Муравьев свидетельствует противоречиво. Сначала: Н. Батюшков «определен в Устюг Великий» «за неимением тогда в Вологде вакансий». Потом: «Племянник мой Батюшков... дал от себя реверс, чтоб чрез 5 лет не утруждать ваше сиятельство о увольнении от нынешней его должности, а просил только, чтоб при открывшейся... вакансии перевести его в Вологодскую область...»²⁷ Но если в 1781 году Николай Львович не получил назначения в Вологду только из-за отсутствия «вакансий», то почему в 1783 году, когда «ваканция» появилась, Вологда по-прежнему оставалась для него недоступной? Не будем спешить с выводами. Одно несомненно: место прокурора губернского магистрата Вепкоустюжской области Н. Л. Батюшков должен был принять как дарованную милость. «Доставляю Вам верный способ оказать свою ревность и усердие ее императорскому величеству и отечеству... не сомневаюсь, чтоб вы не соотвествовали моему выбору желаемыми успехами»,²⁸ — пишет ему генерал-прокурор Вяземский 30 ноября 1781 года. Так считал и Николай Львович. Благодарителя своего сенатора Николая Борисовича Самойлова (?—1791), по чьей «просьбе», чьими «взысканный» «милостям» был «возведен в чин прокурора»,²⁹ он почитал и помнил. Единственное свидетельство о жизни Н. Л. Батюшкова в Великом Устюге, которым мы располагаем, — его письмо к сестре и зятю Анне Львовне и Ивану Семеновичу Карауловым от 12 мая 1783 года: «...мы живем как добрые друзья, не имея никакого попечения, чтоб воздавать кому поклоненья... Я истинно скажу, что если б не отдаление места, то я б с охотою согласился здесь пожить,

но сие меня до бесконечности беспокоит».³⁰ От Москвы до Устюга Великого 886,5 верст, от Санкт-Петербурга — 1169,5, от Вологды — 457,5... Судя по письму, Николай Львович давно покорился судьбе: «...но когда нет средства отбыть так скоро, то я и положился во всем на святое провидение».³¹ Он «ожидает отпуску», но из Петербурга «до сего еще» нет «никакого ответа» (вот почему тревожится и просит Вяземского о племяннике Н. А. Муравьев).

26 апреля 1785 года (через три с половиной года после назначения в Великий Устюг) коллежский ассессор Батюшков был переведен в Ярославское наместничество.³² Должность оставалась прежней — прокурор губернского магистрата. Подробности этого служебного перемещения неизвестны. Ордер о переводе подписан генерал-прокурором Вяземским. В формулярном списке Н. Л. Батюшкова, реконструированном В. А. Кошелевым, этот факт, зафиксированный в «Месяцеслове»,³³ отсутствует.

Пребывание Николая Львовича в Ярославле было недолгим. В конце июля 1785 года он еще «не явился» к «должности» из-за «приключившейся болезни».³⁴ 27 июня 1786 года датировано «доношение» ярославского губернского прокурора Н. А. Замыцкого А. А. Вяземскому о «желании» «Ярославского губернского магистрата прокурора Батюшкова» «службу свою продолжать в вологодском верхнем земском суде прокурором же, коего теперь там состоит вакансия». Мотивировка перевода прежняя: «...деревни свои имеет по Вологодскому наместничеству, здесь же их у него ничего нет».³⁵ К официальному ходатайству прибавлена личная просьба Н. Замыцкого. 21 июля 1786 года генерал-прокурор А. А. Вяземский предписывает Н. Л. Батюшкову «немедленно отправиться для вступления в новую вашу должность».³⁶ Начинается вологодский — самый продолжительный (1786—1791) и, по-видимому, самый успешный — период служебной деятельности Николая Львовича. Факт этот установлен В. А. Кошелевым (с. 171—172). Документы уточняют некоторые, преимущественно хронологические, детали и приоткрывают скрытые «пружины» служебных успехов Н. Л. Батюшкова. Надворный советник Н. Батюшков (этот чин был дан ему указом правительствующего Сената от

²⁵ См. об этом комментарии Л. И. Кулаковой и В. А. Западава к письмам М. Н. Муравьева отцу и сестре 1777—1778 годов. — В кн.: Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980, с. 356.

²⁶ ЦГАДА, ф. 248, оп. 148, кн. 6509, ч. I, л. 195.

²⁷ Там же. л. 194, 195.

²⁸ Там же. оп. 80, кн. 6529, л. 535, об./— 536.

²⁹ Письмо Н. Л. Батюшкова А. Н. Самойлову от 29 октября 1792 года. — Там же, оп. 150, кн. 6642, л. 11, 11. об.

³⁰ ЦГИА, ф. 1101, оп. 2, ед. хр. 156.

³¹ Там же.

³² ЦГАДА, ф. 248, оп. 80, кн. 6582, л. 383, 387.

³³ Месяцеслов с росписью чиновных особ... на лето... 1786, с. 155.

³⁴ ЦГАДА, ф. 248, оп. 117, ед. хр. 665, л. 3, об.—4.

³⁵ Там же, оп. 80, кн. 6592, л. 532.

³⁶ Там же, № 70, л. 533.

14 августа 1786 года)³⁷ прибыл в «должность» прокурора 2-го департамента верхнего земского суда 2 октября 1786 года.³⁸ Со времени подписания им «реверса», оставленного в Канцелярии генерал-прокурора, прошло почти пять лет. Очевидно, формальности считались соблюденными, хотя и допущено послабление: вместо требуемых подпиской пяти лет Николай Львович прослужил в Великом Устюге только три с половиной года. 12 апреля 1790 года последовало назначение Батюшкова на должность губернского прокурора Вологодского наместничества.³⁹ На сей раз «всепокорнейшая просьба» Н. А. Муравьева возымела действие. В фондах ЦГАДА хранится его письмо генерал-прокурору А. А. Вяземскому от ноября 1789 года: «Уверен толь многими опытами (курсив мой, — Р. Л.), что ваше сиятельство поставяете за собственное свое удовольствие то счастье, которое другим оказывать изволите; осмеливаюсь утрудить вас...»⁴⁰ Что это: обычные для официального письма формулы вежливости или действительные «многие опыты» «благоденний, полученных» от генерал-прокурора? Неясно. 24 мая 1790 года губернский прокурор надворный советник Н. Батюшков «приведен к присяге».⁴¹ Служебные успехи его очевидны, но, кажется, стабильности в положении все еще нет. Иначе почему вслед за прощением Батюшкова об отпуске⁴² (явно ему полагающемся) в Петербург легит собственноручное письмо тайного советника и ордена св. Анны кавалера Н. А. Муравьева К. И. Литинскому: «...покорно прошу... исходатайствовать ему требуемый отпуск и меня по своей дружбе уведомить».⁴³ Ксаверий Иванович Литинский — обер-секретарь при генерал-прокурорских делах.⁴⁴

Вологодский период жизни Н. Л. Батюшкова вызывает самый пристальный интерес исследователей: ведь именно здесь 18 (29) мая 1787 года родился К. Н. Батюшков, здесь прошло его раннее детство. И потому естественны и закономерны поиски первого вологодского адреса поэта. В. А. Кошелев убежден в том, что «отец поэта жил на казенной квартире» и что с «ранним детством Батюшкова в Вологде связаны

один (или два) дома, идущие по „прокурорскому“ ведомству».⁴⁵ Однако дома губернского прокурора в Вологде не было ни в 1787-м, ни позже, в 1791—1792 годах, когда Николай Львович покинул город. Только в 1787 году были утверждены планы под постройку казенных каменных домов вологодским вице-губернатору, почтмейстеру, казначею и коменданту.⁴⁶ Вообще, судя по «Ведомости, учиненной 1792 г. января месяца... о количестве градского строения и числе жителей»,⁴⁷ в Вологде было всего два казенных строения этого типа: дома генерал-губернатора и губернатора. Но вывод, что в таком случае Н. Л. Батюшков с семьей должен был проживать в казенных квартирах, находящихся при присутственных местах, или в домах, «отданных для постою», также кажется нам поспешным. 6 марта 1786 года за «вексельные иски разных кредиторов» был продан дом подполковника Григория Брядяева, «состоящий в г. Вологде на Большой улице». Опись, хранящаяся в деле, позволяет отчетливо, в массе деталей, представить дом деда К. Н. Батюшкова по материнской линии. Вот его точный адрес: «г. Вологды первой части в пятом квартале № 103».⁴⁸ Под просмотр управы благочиния дом передан коллежской асессоршею Александрой Батюшковой — матерью поэта. Незадолго до переезда Батюшковых из Ярославля в Вологду дом был продан. Но значит ли это, что в 1786—1791 годах «своего дома... у Н. Л. Батюшкова не было» (с. 172)? Единственный аргумент, приводимый В. А. Кошелевым в доказательство, не убеждает. В «Городовой обывательской книге Вологды» (1792), на которую ссылается исследователь, Батюшковы действительно не упоминаются. Нет их и в «Списках о городском положении и городских обывателей, имеющих недвижимое имущество» (1792).⁴⁹ Но ведь Батюшковых и не должно быть в этих «реестрах». Составление городской обывательской книги в Вологде и городах Вологодского наместничества, как этого требовал указ от 15 сентября 1789 года, находилось под контролем ярославского и вологодского генерал-губернатора Е. П. Кашкина. Судя по «Копии указа Вологодского наместнического правления о соблюдении правил составления городской обывательской книги» (Начато 5 июня. Окончено 15 июня 1791 г.)⁵⁰ работа по составлению списков велась в 1792 году. Даже при беглом просмотре

³⁷ Там же, л. 600, 612.

³⁸ Государственный архив Вологодской области (далее: ГАВО), ф. 832, оп. 1, ед. хр. 465, л. 4.

³⁹ ЦГАДА, ф. 286, оп. 1, кп. 793, л. 99.

⁴⁰ Там же, ф. 248, оп. 80, кн. 6616, л. 48.

⁴¹ Там же, л. 52—52, об.

⁴² Там же, л. 533. Прощение Батюшкова датировано 23 апреля 1791 года.

⁴³ Там же, л. 534.

⁴⁴ Должность К. И. Литинского установлена по Месяцеслову... на лето 1792, с. 18.

⁴⁵ Кошелев В. Вологодские адреса поэта. — Красный Север, 1986, 11 мая, с. 4.

⁴⁶ ГАВО, ф. 13, оп. 1, ед. хр. 203.

⁴⁷ Там же, ед. хр. 401, л. 7.

⁴⁸ Там же, ф. 178, оп. 10, ед. хр. 473, л. 2—3.

⁴⁹ Там же, ф. 476, оп. 1, ед. хр. 17.

⁵⁰ Там же, ф. 833, оп. 1, ед. хр. 419.

«Городовой обывательской книги» видно, что в ней учтены не только «старожилы», но и лица, поселившиеся в Вологде в мае, июне, июле, сентябре 1792 года. Обе книги представляют собой списки населения за 1792 год. Но ведь «в конце 1791-го или в начале 1792 года, — как пишет сам В. А. Кошелев, — Николай Львович уехал в Вятку» (с. 172). Ориентиром в поисках первого вологодского адреса К. Н. Батюшкова может стать «церковь Святые Великомученицы Екатерины, что во Фроловне», прихожанами которой были его родители: 21 ноября «у господина надворного советника Николая Львовича Батюшкова родилась дочь Варвара, крещена декабря в 3 день. При крещении восприимницей была его превосходительства господина губернатора Петра Федоровича Мезенцева дочь девица Варвара»⁵¹ или: 21 января «надворного советника Николая Львовича Батюшкова у дворового человека...»⁵²

Причина отъезда Н. Л. Батюшкова из Вологды — вопрос, едва ли не самый деликатный в нашем сюжете. В. А. Кошелев убежден в том, что «переезд этот можно объяснить только семейными обстоятельствами»: «душевным заболеванием жены» и возникшей таким образом необходимостью «сменить обстановку» (с. 173). Толкование это не удовлетворяет уже потому, что одно «неизвестное» определяется в нем через другое «неизвестное». Почему майковское утверждение: «...через некоторое время по рождении сына Александра Григорьевна лишилась рассудка» (а именно на него ссылается исследователь) — означает не «тотчас», «сразу», как традиционно считалось, а «через несколько лет» и, еще точнее, через «четыре года»? Но ведь именно дата отъезда Н. Л. Батюшкова — конец 1791 года — стала в построениях исследователя точкой отсчета. Для того чтобы убедиться в этом, обратимся к другим работам В. А. Кошелева, где дано более развернутое объяснение, позволяющее уловить логику его рассуждений: «В Вологде 21 ноября 1791 г. родилась младшая сестра поэта — Варенька. С ее рождением была, вероятно, связана и известная по семейным преданиям душевная болезнь матери. Как указал Майков, „через некоторое время по рождении сына Александра Григорьевна лишилась рассудка“. В этой ситуации необходимо было, говоря современным языком, „сменить обстановку“».⁵⁴ И наконец, последняя по времени редакция этой же версии, когда отпала необходимость во всех

«вероятно» и прозвучало ясное и твердое: «Переезд этот был связан с семейными обстоятельствами. В Вологде 21 ноября 1791 года родилась младшая сестра поэта Варенька. С ее рождением семейное предание связывало начавшееся душевное заболевание матери... В этой ситуации необходимо было, говоря современным языком, „сменить обстановку“».⁵⁵ Семейное предание, как известно со слов Л. Н. Майкова, связывало болезнь А. Г. Батюшковой с рождением сына. В книге В. А. Кошелева оно корректируется. «Но почему Батюшков уехал из Вологды? — пишет автор. — Причем уехал без повышения в чине и в должности? В Вологде, судя по всему, он чувствовал себя достаточно „крепко“ и „уверенно“, двух лет не прошло, как его перевели на высокую должность, — а он уехал в Вятку».⁵⁶ Бытовое поведение провинциального чиновника XVIII века анализируется с позиций человека другой эпохи, исследователь мыслит антигисторически. Чтобы убедиться в этом, достаточно задать себе несколько совершенно естественных вопросов: как мог губернский прокурор, чьей судьбой распоряжались в Петербурге, в Канцелярии генерал-прокурора, «уехать в Вятку», да еще в такой короткий срок, буквально в месяц... Почему Н. Л. Батюшков повез больную жену не в Петербург (как он и поступил на самом деле), а в глушь, в Вятку, где возможностей для ее лечения было, конечно же, не больше, чем в Вологде? Наша полемика с В. А. Кошелевым касается прежде всего методики исследования.

Документы воссоздают совсем иную картину. «Двухлетнее» в Вятской губернии «служение принужден я был оставить приключившейся жене моей жестокою болезнью. Пользуя там немало времени безуспешно, решился привести ее для сего в Петербург... Жена моя, страдая год и семь месяцев, с необычайным мучением умерла».⁵⁷ — пишет Н. Л. Батюшков. А. Г. Батюшкова скончалась 21 марта 1795 года, болезнь ее, продолжавшаяся «год и семь месяцев»,⁵⁸ началась лишь в Вятке не ранее лета 1793 года и, следовательно, не могла стать причиной перемены места жительства.

⁵⁵ Кошелев В. Константин Батюшков. Странствия и страсти, с. 15.

⁵⁶ Красный Север. 1986, 11 мая, с. 4.

⁵⁷ Прошение Н. Л. Батюшкова императору Павлу I. — ЦГАДА, ф. 1239, оп. 3, ед. хр. 63947, л. 3. Последняя фраза повторена в прошении от 21 августа 1798 года. — Там же, ед. хр. 55091, л. 2.

⁵⁸ То же и в черновом отрывке из прошения Н. Л. Батюшкова, найденном В. А. Кошелевым в фондах ЦГИА: «двухлетнюю болезнью умершей его жены» (с. 172) — деталь, на которую исследователь не обратил внимания.

⁵¹ Метрики г. Вологды с уездом. 1791. — Там же, ф. 496, ед. хр. 47, л. 115.

⁵² Метрики г. Вологды с уездом. 1790. — Там же, ед. хр. 46, л. 94.

⁵³ Красный Север, 1986, 11 мая, с. 4.

⁵⁴ Там же.

Три старшие дочери Батюшковых были отправлены в Петербург, по-видимому, еще в 1789 году. В прошении императору Павлу I от 17 февраля 1797 года Николай Львович пишет о них как о получивших «порядочное воспитание, быв здесь в пансионе»⁵⁹ 7 лет.⁶⁰ Во всяком случае, в апреле 1791 года губернский прокурор Батюшков просил отпуск в Петербург «для исправления разных... нужд, также и свидания с находящимися там моими детьми».⁶¹ В Вятку Н. Л. Батюшков был «переведен» по «предложению» генерал-прокурора А. А. Вяземского 16 сентября 1791 года. Документ чрезвычайно лаконичен: «Вятского наместничества губернский прокурор Ендогоуров переведен мною в Вологодское наместничество губернским прокурором, а тамошний губернский прокурор Батюшков в Вятское наместничество...»⁶² Никаких мотивировок. Только — «переведен мною». Стоит ли усматривать в «предложении» Вяземского своеобразное проявление немилости властей по отношению к Н. Л. Батюшкову? Трудно сказать. В практике генерал-прокурора (судя по делам, хранящимся в его Канцелярии) «перемещения» подобного рода бывали. Одно несомненно: желания генерал-прокурора и отца поэта резко не совпадали. Из документов видно, что уже 10 декабря 1791 года бывший вятский губернский прокурор Ендогоуров прибыл в Вологду и «вступил в должность».⁶³ Н. Л. Батюшков медлил. Приказ генерал-прокурора застал его в отпуске, «увольненным от должности» до 1 октября 1791 года. Потом была «простудная горячка», о которой Николай Львович (вместе с освидетельствованием частного пристава управы благочиния и лекаря) сообщает 29 октября 1791 года⁶⁴ в Вятку; 6 ноября 1791 года датировано его прошение Вяземскому о двухмесячном отпуске: «Имею я в Москве, в межевой канцелярии, о недвижимом имении спорное дело, которое и приводится уже по окончании: при решении коего нужно мне быть в Москве самому...»⁶⁵ 21 ноября 1791 года (дата установлена В. А. Копелевым, с. 172) Александра Григорьевна родила дочь Варвару. Только 14 (по другим документам — 15) января 1792

года Н. Л. Батюшков приступил к должности губернского прокурора Вятского наместничества. Очевидно, отъезд Николая Львовича из Вологды ускорило предписание Вятского наместнического правления, в ответ на которое Вологодская управа благочиния рапортовала: «...находящийся в болезни Вятского наместничества губернский прокурор Батюшков от оной выздоровел и того числа (10 января, — Р. Л.) имеет отправиться к должности...».⁶⁶ В феврале 1792 года Николай Львович получает разрешение на отпуск и уезжает из Вятки.⁶⁷ По-видимому, к систематическому исполнению своих обязанностей вятский губернский прокурор Батюшков приступил только в апреле 1792 года: первое из «представленных» им дел датировано 14 апреля.⁶⁸

О служебных успехах Николая Львовича на новом поприще свидетельствует «всемилоостивейшее пожалование» его в ноябре 1793 года орденом св. Владимира 4-й степени за «отличные опыты усердия и ревности».⁶⁹ В предложении генерал-прокурора А. Самойлова и представлении Сената среди многочисленных заслуг вятского губернского прокурора особо отмечалось «соблюдение казенного интереса при подрядах и откупках... чрез что соблюдена казне довольная сумма», а также «открытие» «непозволенного употребления многими частными людьми казенных лесов... к прекращению чего приняты надлежащие меры».⁷⁰ По всему кажется, что в Вятке Николай Львович обосновывается надолго: 16 декабря 1793 года датирована его «покорнейшая просьба» об увольнении на три месяца в Петербург «для взятия детей... воспитывающихся в пансионе».⁷¹ Разрешение на отпуск получено в январе 1794 года,⁷² но воспользоваться им Николай Львович смог только в конце мая 1794 года.⁷³ Начавшаяся летом 1793 года болезнь Александры Григорьевны перепутала все планы: «Пользуя там немало времени безуспешно, решился привести ее для сего в Петербург».⁷⁴ Уезжая вместе с больной женой из Вятки, Николай Львович еще не знает, что уезжает на

⁵⁶ ГАКО, ф. 583, оп. 11, ед. хр. 655, л. 217.

⁶⁷ Там же, оп. 13, ед. хр. 1194. Столп об увольнении служащих по Вятской губернии чиновников в отпуск. л. 115, 117—117, об.

⁶⁸ Там же, оп. 12, ед. хр. 286.

⁶⁹ Там же, оп. 13, ед. хр. 1043, л. 1.

⁷⁰ ЦГАДА, ф. 248, оп. 81, кн. 6683, ч. 1, л. 790, об., 803, об.

⁷¹ Там же, кн. 6662, л. 399.

⁷² Там же, л. 401.

⁷³ ГАКО, ф. 21, оп. 1, ед. хр. 28, л. 152.

⁷⁴ ЦГАДА, ф. 4239, оп. 3, ед. хр. 63947, л. 3.

⁵⁹ В прошении от 21 августа 1798 года названо имя содержательницы пансиона — у «мадам Эклебеп» (л. 2).

⁶⁰ ЦГАДА, ф. 1239, оп. 3, ед. хр. 63947, л. 3.

⁶¹ Там же, ф. 248, оп. 80, кн. 6616, л. 533.

⁶² Там же, л. 596.

⁶³ Там же, л. 596—604.

⁶⁴ Государственный архив Кировской области (далее: ГАКО), ф. 583, оп. 11, ед. хр. 655, л. 101—102.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. 248, оп. 81, кн. 6620, л. 11.

всегда. «Месяцеслов...» по-прежнему числит его вятским губернским прокурором; в «Ведомостях о чинах Вятского наместничества, находящихся в отпуску» (начало 15 декабря 1794 г.) он значится то как оставленный генерал-прокурором А. Н. Самойловым для «личных по делам объяснений» («и то время в просрочку ему не почитать»), то как «уволненный в отпуск», то как «на срок к должности своей» не явившийся.⁷⁵ Но в Вятке Н. Л. Батюшкова нет. Время его «служения» в Вятке известно нам теперь точно, со слов самого Николая Львовича: «Февраль (по документам — с 14—15 января, — Р. Л.) 1792 г. — 25 мая 1794».⁷⁶ Н. Л. Батюшков не ушел в отставку, как думают исследователи. Напротив, отставка была крайне нежелательна для него. Приехав в Петербург, «чтоб не быть в отставке, в чаянии получить другое место по выздоровлении жены», Николай Львович «поступил в Комиссию для составления законов Российской империи сочинителем сверх комплекта».⁷⁷ Это свидетельство отца поэта подтверждается хранящимся в ЦГАДА экземпляром «Алфавита» состоящим в статской службе чинами первых восьми классов на 1796 г., где находим любопытную (сделанную от руки) запись: «Николай Батюшков — в Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения».⁷⁸ Не получая жалованья, испытывая тяжелые финансовые затруднения (долги его «чрез то» составили «до десяти тысяч рублей»), Николай Львович не оставляет большую жену одну: «...желая возвратить мать отчаянным детям, не жалея я ничего, чтоб восстановить ее здоровье».⁷⁹ Александра Григорьевна умерла 21 марта 1795 года и похоронена на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. Надпись на ее надгробии проста и искренна: «Добродетельной супруге в знак любви, истинного почитания воздвиг сей памятник оплакивающий невозвратно ее Николай Батюшков купно с детьми своими».⁸⁰ В Вятку, где за ним более года «сохранялась» должность губернского прокурора, Николай Львович не возвратился. Но и в отставку не вышел. Он не мог не служить: «небольшое

пмнение» его жены расстроено (Николай Львович еще «не отделен от отца»⁸¹ — об этом свидетельствуют документы, датированные 1797—1798 годами), а «малолетние сироты» требовали «приличного воспитания». 15 апреля 1795 года, через три недели после кончины Александры Григорьевны, Н. Л. Батюшков обращается к генерал-прокурору А. Н. Самойлову с просьбой «поместить» его на «ваканцию экономии директора», если таковая откроется в «наместничествах Казанском, Саратовском, Нижегородском», «особливо в Вологодском», где у него имелись «деревни и дом».⁸²

17 сентября 1795 года вятский губернский прокурор Батюшков был уволен от «должности» «для определения по его желанию к другим делам».⁸³ «Предложение об увольнении» подписано генерал-прокурором А. Н. Самойловым. Именно с его помощью Николай Львович надеялся «получить» в Петербургском «ассигнационном или заемном банке место советника».⁸⁴ Но почему его планы вдруг переменялись? Ведь это он жаловался генерал-прокурору на «дороговизну здешней жизни», которая «вергнет его в „пеминую бедность“». Нет сомнения, что разговор о «спокойном месте» в столице, пожалованием которого Самойлов «осчастливил»⁸⁵ бы Батюшкова, состоялся давно. Однако после смерти жены Николай Львович, кажется, готов предпочесть Петербургу провинцию. Отчего же он изменил намерение? Может быть, потому, что получил твердые гарантии? Не знаем. Весной 1796 года сенатская ревизия, обнаружившая злоупотребления по службе чиновников Вятской губернии, обвиняемых во взятках, потребовала приезда Н. Батюшкова в Вятку для «личного объяснения» с возглавлявшим проверку генерал-поручиком С. И. Мавриным. 30 апреля 1796 года Николай Львович (он находится в это время «под начальством» А. Н. Самойлова в Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения)⁸⁶ просит генерал-прокурора «избавить его от разорительной в толь отдаленный край поездки».⁸⁷ Подозрения, возникшие у сенатора Маврина, он объясняет «выдуманными клеветами», «отмщением» тех, чье «недовольствие» навлек своими донесениями о выявленных в присутственных местах «беспо-

⁷⁵ ГАКО, ф. 21, оп. 1, ед. хр. 28, л. 152, 171, л. 139, об. и др.

⁷⁶ ЦГАДА, ф. 1239, оп. 3, ед. хр. 63947, л. 2, об.

⁷⁷ Там же, л. 3.

⁷⁸ Там же, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 889, л. 122.

⁷⁹ Там же, ф. 1239, оп. 3, ед. хр. 63947, л. 3.

⁸⁰ Петербургский некрополь, или Справочный исторический указатель лиц, родившихся в 17 и 18 столетиях, по надгробным надписям Александровской Лавры. Сост. В. Сайтов. М., 1883, с. 15.

⁸¹ ЦГАДА, ф. 1239, оп. 3, ед. хр. 63947, л. 3.

⁸² Там же, ф. 248, оп. 81, кн. 6713, ч. I, л. 545, об.

⁸³ Там же, кн. 6690, л. 606—607, об.

⁸⁴ Там же, ф. 1239, оп. 3, ед. хр. 55091, л. 1, об.

⁸⁵ Там же, ф. 248, оп. 81, кн. 6713, ч. I, л. 545.

⁸⁶ Там же, оп. 150, кн. 6642, л. 249.

⁸⁷ Там же, оп. 81, кн. 6734, л. 294—294, об.

рядках»⁸⁸ (краткое изложение его рапортов генерал-прокурору приложено к письму).⁸⁹ Следствие подтвердило невиновность Н. Л. Батюшкова.⁹⁰ Степенные материальные обстоятельства, необходимость оплатить «некоторые», «ким срок наступает», долги (в «пансионы за содержание малолетних... детей» в том числе) принуждают Николая Львовича «занять в государственном заемном банке или в опекуном совете деньги» под залог части имущества покойной его жены.⁹¹ Верующее письмо отправлено 14 августа 1796 года из Петербурга. Оно адресовано лейб-гвардии прапорщику Льву Степановичу Бердяеву — двоюродному брату Александры Григорьевны.⁹² Оформление документов, необходимых для получения займа, затягивается. 17 февраля 1797 года Николай Львович обращается с прошением о вспомоществовании к императору Павлу I. Он просит не о себе, но о малолетних Константине и Варваре, которых он «не в состоянии воспитать пристойным образом» из-за «бедственного положения» своего.⁹³ Получил ли отец поэта «всемиловейшее награждение», неизвестно. Только в Даниловское он не уехал. Что заставляло Николая Львовича оста-

ваться в Петербурге? «Без жалованья», с долгами, длительное время («...Более двух лет»,⁹⁴ — напишет он 17 февраля 1797 года)... По-видимому, только надежда на новое служебное назначение, а значит, и на возможность резко переменить свою жизнь... Обещанного генерал-прокурором А. Н. Самойловым места советника в ассигнационном или заемном банке Николай Львович не получил. Почему? В служебной биографии отца поэта таких «почему» много. Почему, например, Н. Батюшков «прослужил в одном чине надворного советника более десяти лет»?⁹⁵ Почему он был дважды обойден при производстве из надворных в коллежские советники? Смущает причина отказа: и в 1793 году, и спустя 3 года, в 1796-м, по словам Николая Львовича, ему «недоставало нескольких месяцев службы в положенное число лет к награждению».⁹⁶ «Точные сроки выслуги для производства» из надворных советников в коллежские, вероятно, были установлены только указом № 19249 от 9 декабря 1799 года — 6 лет.⁹⁷ Во всяком случае, предшествовавшие законодательные акты (№ 12465 — от 5 сентября 1765 года, № 12524 — от 16 декабря 1765 года, № 16930 — от 16 декабря 1790 года) никаких определенных указаний на этот счет не давали. Особого внимания заслуживает документ под № 12973 от 13 сентября 1767 года: «Но как Сенат без особливого Вашего императорского величества дозволения к произведению состоящих в статской службе чинами, равно и к определению времени, сколько именно лет в одних чинах (курсив мой. — Р. Л.) выслуживать им надлежит, приступить не может; то... не соизволите ль Ваше величество... всемиловейшие повелеть... и... назначить, сколько именно лет в одних чинах выслужившим...» Высочайшей резолюцией на доклад Сената Екатерина II повелевала: «Провести тех, кои в нынешних чинах семь лет беспорочно выслужили».⁹⁸ Вероятно, именно этим предписанием и должен был руководствоваться Сенат. Наконец, закон не возбранял «повышение за отличие» и «прежде установленных сроков», т. е. как награду. Н. Л. Батюшков служил не просто «беспорочно», а «ревностно»: «В служении моем поставлял всегда себе за правило отправлять возложенное на меня звание, как обязанность к службе и долг присяги требует... не оставляя ни одного предмета, касающегося до моей должности, без надлежа-

⁸⁸ Это подтверждается «Запиской по доносу на губернского прокурора Батюшкова» (январь 1794 г.). — Там же, оп. 150, кн. 6642, л. 49, об. — 50, об.

⁸⁹ Там же, оп. 81, кн. 6734, л. 295—296.

⁹⁰ ГАКО, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 4386, л. 67 и др.

⁹¹ ГАВО, ф. 178, оп. 10, ед. хр. 1294, л. 2. Начато 30 сент. 1796 г. Кончено 19 янв. 1797 г.

⁹² В 1794—1795 годах он занимал должность предводителя в г. Кадникове (Месяцеслов... на лето 1796, с. 266). Из-за отсутствия «Адрес-календарей» на 1797—1801 годы установить место службы Л. С. Бердяева в 1796 году не удалось. Братья Николай, Алексей и Лев Бердяевы были сыновьями полковника Степана Григорьевича Бердяева (см.: ГАВО, ф. 496, оп. 1, ед. хр. 2963). Их родство с покойной женой Николая Львовича подтверждается записью в «Метрической книге г. Вологды с уездом» за 1790 год: 15 апреля «у г-на капитана Алексея Степановича Бердяева родилась дочь Серафима, восприемницей была сестра его двоюродная сельца Закрышкина госпожа Александра Григорьевна Батюшкова». Обряд крещения состоялся в «церкви Иоанна Богослова, что на Тошне» (ГАВО, ф. 496, ед. хр. 46, л. 314, об.). Деталь, свидетельствующая о душевном здоровье матери поэта «чрез некоторое время» после рождения сына.

⁹³ ЦГАДА, ф. 1239, оп. 3, ед. хр. 63947, л. 3.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Полн. собр. законов Российской империи с 1649 г. 1830, т. XXV, с. 914.

⁹⁸ Там же, т. XVIII, с. 344. 345.

щего настояния».⁹⁹ Многочисленные документы подтверждают это. 3 февраля 1794 года (через семь с половиной лет после получения отцом поэта чина надворного советника) правительствующий Сенат по предложению генерал-прокурора А. Н. Самойлова «находит надворного советника вятского губернского прокурора Николая Батюшкова» «достойным награждения» «за ревностную беспорочную службу и успех в отправлении должности». Сенат принимает решение: «...поднести ея императорскому величеству всеподданнейший доклад, представя его к награждению чином коллежского советника».¹⁰⁰ Коллежским советником Н. Батюшков не стал. Значит, «всеподданнейший доклад» Сената Екатерина II не подписала. Николай Львович об этом прекрасно знает: он «обойден» чином. Слово это останется в черновом варианте прошения.¹⁰¹ Повторить его «вслух», в «присутствии Павла I», Н. Батюшков не решится. Так появится странное, на первый взгляд, объяснение: при обоих производствах «недоставало нескольких месяцев службы в положенное число лет к награждению». Догадывается ли об истинном отношении императрицы к надворному советнику Батюшкову генерал-прокурор А. Н. Самойлов? Его предшественник А. А. Вяземский, взявший себе «за главные правила»: «ни в чем не противуречить государю»; «признаваться, что ничего не знает сам, но все делает просвещением и наставлением государыни»,¹⁰² заставил Н. Л. Батюшкова начать служебную карьеру с реверса, письменного обязательства о пятилетнем «невьезде» из Великого Устюга. А. Н. Самойлов отцу поэта явно благоволил. Но, по видимому, и его что-то смущает. Письмо А. Н. Самойлова от октября 1795 года, адресованное уволенному от должности вятского губернского прокурора Н. Л. Батюшкову с изъяснением «удовольствия» за «надлежащие усердие и ревность», с которыми он трудился, почему-то перечеркнуто.¹⁰³ В 1796 году состоялось еще одно «производство из надворных советников в коллежские» — также безрезультатное.

Чина коллежского советника Н. Л. Батюшков был удостоен только после смерти Екатерины II. Это была высо-

чайшая милость нового императора Павла I. Награждение Н. Л. Батюшкова чином коллежского советника осуществилось 5 апреля 1797 года¹⁰⁴ и, конечно же, в ответ на его прошение государю от 17 февраля 1797 года. Николай Львович совсем недавно (по его просьбе) «получил увольнение от службы до выздоровления».¹⁰⁵ Нет сомнения, что это произошло в конце 1796 — начале 1797 года. В качестве доказательства сошлемся на свидетельство самого Батюшкова: время пребывания его в штатской службе — «с 1781 года — поныне», «прослужа в одном чине надворного советника более десяти лет»¹⁰⁶ (напомним, что в этот чин он был «возведен» 14 августа 1786 года и что служба сверх штата, в ожидании вакансий, в стаж зачислялась). Причина увольнения — болезнь, наступившая после смерти жены: «Снедаемая горсть, при слабом сложении, каковое я от природы имею, причинила мне болезненные припадки, которые лишают сил служить... хотя я имею к тому... ревность».¹⁰⁷ В отставку отец поэта вышел только в 1815 году, таким образом, в течение восемнадцати лет он находился «не у дел», или «при Герольдии для определения к делам».¹⁰⁸

Служебная карьера Н. Л. Батюшкова складывалась нелегко. Сколько несообразностей, препятствий на пути к продвижению, несправедливости... и это при бескорыстии, ревности в исполнении долга, высоких покровителях... В бесчисленных милостях графа А. Н. Самойлова сомневаться не приходится. Племянник Потемкина, генерал-прокурор и казначей, он, однако, оказался бессильным. Хотел — и не смог доставить честному чиновнику место советника в ассигнационном банке, хотя именно в это время его собственное положение совершенно упрочилось. Числившийся с 1792 года «исправляющим должность генерал-прокурора», он в 1796 году был утвержден генерал-прокурором. 4 декабря 1796 года, после смерти Екатери-

¹⁰⁴ Список состоящим в гражданской службе чином шестого и седьмого классов на 1798 год, с. 61.

¹⁰⁵ ЦГАДА. ф. 1239, оп. 3, ед. хр. 63947, л. 3. Та же формулировка «уволен до выздоровления» и в черновом варианте прошения Н. Л. Батюшкова, найденном В. А. Кошелевым в ЦГИА. что никак не согласовывается с выводом исследователя о том, что отец поэта в 1795 году «вышел в отставку» (с. 172).

¹⁰⁶ Там же, л. 1, 3.

¹⁰⁷ Там же, л. 3.

¹⁰⁸ См.: Списки состоящим в гражданской службе чином шестого и седьмого классов с 1798 г. по 1815 г. В «Списке состоящим в гражданской службе чином... на 1816 г.» Н. Л. Батюшков не упоминается.

⁹⁹ ЦГАДА, ф. 1239, оп. 3, ед. хр. 63947, л. 2, об.

¹⁰⁰ ГАКО, ф. 583, оп. 14, ед. хр. 499, л. 1. См. также: ЦГАДА, ф. 286, кн. 852, л. 23, об.

¹⁰¹ Цит. по: Кошелев В. А. К биографии К. Н. Батюшкова, с. 172.

¹⁰² Характеристика А. А. Вяземского дана М. М. Щербатовым. Цит. по: Эйдеман Н. Я. Твой восемнадцатый век. М., 1986, с. 189.

¹⁰³ ЦГАДА, ф. 248, оп. 81, кн. 6690, л. 608, об.

ны II, на место графа А. Н. Самойлова был назначен А. Б. Куракин.¹⁰⁹ Н. Л. Батюшков потерял «защитника и покровителя».¹¹⁰ Высочайшие резолюции Екатерины II на доклад Сената нам неизвестны, и потому неясны официальные и тем более истинные причины, по которым Н. Л. Батюшков был дважды обойден чином. Одно несомненно: это была царская немилость. II может быть, все-таки прав Л. Н. Майков, писавший об опале, с юности тяготевшей над отцом поэта? Во всяком случае, никакими документальными доказательствами, позволяющими усомниться в этом, мы пока не располагаем. Напротив, документы только подтверждают правоту Л. Н. Майкова.

Для лучших людей XVIII века (а Н. Л. Батюшков, несомненно, принадлежал к их числу) служебная карьера всегда была прежде всего средством максимальной реализации своих возможностей, осуществления своего предназначения и горячего стремления быть полезным Отечеству. Прокурорская должность не была призванием Николая Львовича. «... Коль несносно читать, а иногда и подписывать: *высечь его кнутом, вырвать ноздри, послать на каторгу* (курсив мой, — Р. Л.) — а за что и почто Бог ведает».¹¹¹ — эти грустные строки написаны в 1809 году. Прокурорская служба тяготила отца поэта. Сочинитель «сверх комплекта» (т. е. без жалованья) в Комиссии для составления законов Российской империи (место, которое он занимал в 1795—1796 годах), советник в государственном заемном банке (должность, к которой он так стремился) — это гораздо более отвечало натуре Н. Л. Батюшкова, воспитанного на просветительской философии XVIII века, хотя бы потому, что избавляло его от необходимости посылать людей на каторгу и заставлять их ложиться под кнут. Служба в заемном банке означала бы возможность вырваться наконец-то из провинции. В ноябре 1798 года Н. Л. Батюшков все еще находится в Петербурге. Лев Андреевич шлет ему гневные письма, требуя немедленного отъезда сына вместе с «большими тремя дочерьми»¹¹² в Даниловское. Николай Львович, проявляя невероятное упорство, задерживается в столице, по-видимому, все еще надеясь что-то переменить в своей жизни или в жизни своих детей. 21 августа 1798 года он просит Павла I

«принять к императорскому двору» двух старших дочерей, «из коих одна Анна в музыке и пении, а другая Елизавета в рукоделии»¹¹³ при природных дарованиях своих особенно себя усовершенствовали, имел счастье, вторая лет пять тому назад поднеси шитый своих трудов цветок... великой княжне Александре Павловне».¹¹⁴ Но безуспешно. Петербург для Николая Львовича закрыт. Ему оставалась глухая родовая усадьба Даниловское в Тверской губернии. Он принужден был заняться тем, к чему не имел никаких наклонностей, — хозяйственной деятельностью. Ни характера, ни предприимчивости своего отца Николай Львович не унаследовал. К прежним долгам¹¹⁵ прибавлялись новые. Платить приходилось родительским именем. В марте 1803 года Н. Л. Батюшков продал за 15 000 руб. доставшееся ему по наследству после смерти отца «господский каменный дом с принадлежащими к нему деревянными службами и садом» в селе Тухани Бежецкого уезда и «136 душ обоего пола».¹¹⁶ «Неудачными промышленными предприятиями» он довел родовое имение «почти до полного разорения».¹¹⁷ Женитьба Николая Львовича на А. Н. Теглевой привела к тяжелой ссоре с детьми. Постоянные болезни, «климат, в котором предопределено обитать одним медведам», обрекли его, по собственным словам, на жизнь в «заключении», на томительное ожидание писем от сына, на мечты о том, «чтоб мир, дружба, любовь и согласие восста-

¹¹³ Черта, унаследованная от матери; судя по письмам М. Н. Муравьева, Александра Григорьевна была прекрасной рукодельницей. — ИРЛИ, Р. II, оп. 1, ед. хр. 261, л. 59, об. — 60.

¹¹⁴ ЦГАДА, ф. 1239, оп. 3, ед. хр. 55091, л. 2, об.

¹¹⁵ Финансовые затруднения Н. Батюшкова возникли задолго до болезни и смерти его жены. Из хранящихся в ГАВО документов видно, что в апреле 1787 года А. Г. Батюшковой под залог ее недвижимого имущества в Угольской волости Грязовецкой округи количеством 250 душ было выдано из заемного банка 10 000 руб. на 20 лет с 8%. Долг этот был «заплачен сполна» только в 1807 году. Ранее, в 1782 году, под залог 200 душ от Санкт-Петербургского опекунского совета императорского воспитательного дома ею было получено 4000 руб. сроком на 5 лет с «платежом в каждом году капитала по 800 руб.» (ГАВО, ф. 178, оп. 10, ед. хр. 414).

¹¹⁶ См. купчую на дом, земли и крестьян Н. Л. Батюшкова Весегонского (Бежецкого) уезда Тверской губернии, проданные им князю Н. М. Ухтомскому. — ГБЛ, ф. 743, картон 7, ед. хр. 37, л. 1, 1, об.

¹¹⁷ *Благой Д.* Указ. соч., с. 15.

¹⁰⁹ Иванов П. Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции. СПб., 1863, с. 64, 61.

¹¹⁰ ЦГАДА, ф. 248, оп. 150, кн. 6642, л. 12.

¹¹¹ Письмо Н. Л. Батюшкова К. Н. Батюшкову. — ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 24, л. 4.

¹¹² Цит. по: Кошелев В. А. К биографии К. Н. Батюшкова, с. 175.

новлено было в нашем семействе».¹¹⁸ Нрав Николая Львовича с годами «сделался неровен и своеобразен».¹¹⁹ Спасали только книги: Вольтер, Руссо, Фенелон, Лагарп, Корнель, Монтень, Мирабо, Мильтон, Делпль, Цицерон, Филдинг, «Новое детское училище, или Опыт нравственного воспитания обоого пола и всякого состояния юношества...», «Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии»...¹²⁰ «Памятникам» этих уединенных занятий и тоскливого одиночества стали надписи на книгах: «Прочитано 1809 г. Николаем Батюшковым»; «Прочитано 1814 году Н. Б.»; «Прочитано 1808 год Николаем Батюшковым в Даниловском»; «Прочитана 1815 г. Н. Б.».¹²¹ У Николая Львовича Батюшкова была трудная, исковерканная судьба. Младший же брат его, Павел Львович, дослужился до тайного советника и сенатора.

«Вряд ли стоило бы так подробно разгискивать обстоятельства службы Н. Л. Батюшкова, если бы он не были связаны с ранними годами жизни его сына», — пишет В. А. Кошелев. Думаем, стоило еще и потому, что Николай Львович был *отцом* поэта. Отец и сын Батюшковы — самостоятельная и очень сложная (по разным причинам) тема. И мы касаемся ее только потому, что из «документального повествования» В. А. Кошелева отец поэта... выпал. Остался лишь его послужной список. Опущено все, что со времени появления книги Л. Н. Майкова стало «общим местом» биографических очерков о К. Н. Батюшкове: что отец поэта был «человек по своему времени хорошо образованный», «большой любитель французской литературы и почитатель философии XVIII века», что «он собрал богатую библиотеку», что «в пользу нравственной личности Николая Львовича свидетельствует дружеская связь, соединявшая его с его родственником... известным Михаилом Никитичем Мухоморовым, одним из лучших людей своего века»,¹²² что «высотой культурного уровня» К. Батюшков был «обязан» отцу.¹²⁴ Майковское: «Николай Львович в годы школьного учения сына не жил

в Петербурге, а только посещал его наездами»¹²⁵ — превратилось у В. А. Кошелева в: «Николай Львович в годы учения сына в Петербурге почти не бывал».¹²⁶ История отношений отца и сына подытожена одной фразой: с Николаем Львовичем «сын не ладил всю жизнь».¹²⁷

Обратимся к конкретным фактам. Нам известны только четыре письма поэта отцу, относящиеся к периоду пребывания его в пансионе: три из них опубликованы Л. Н. Майковым, четвертое (без даты) хранится в ИРЛИ. Других свидетельств нет. Возможен ли в подобной ситуации какой-то определенный вывод? Думаем, нет. Но и этот минимальный по объему материал важен для реконструкции отношений между отцом и сыном, даже если это всего лишь «отрывки» реальных взаимоотношений. Во всех письмах (не считая первого, от 6 июля 1797 года — Н. Л. Батюшков находится в это время в Петербурге, откуда уедет не ранее декабря 1798 года) речь идет либо о скором приезде отца,¹²⁸ либо о недавнем его отъезде.¹²⁹ Тревоги по поводу отсутствия вестей от отца, беспокойные мысли о его нездоровье (чем иначе можно объяснить молчание?), обстоятельный отчет о своих делах (изучении наук, рисовании: «...начатую же картину без Вас кончил и пришло с Васильем»);¹³⁰ Привязанность, потребность в подробном рассказе о себе, убежденность в ответной заинтересованности... Первая публикация К. Н. Батюшкова — перевод на французский язык речи митрополита Платона по случаю коронации Александра I — не просто дарится «моему любезному папеньке»: она посылается на критический, профессиональный суд вместе с «оригиналом».¹³¹ Духовная связь между отцом и сыном не исчезает и в самые напряженные периоды их отношений. Ограничимся лишь немногими доказательствами. Письмо Н. Л. Батюшкова сыну от 15 декабря 1809 года В. А. Кошелеву известно: оно цитируется им дважды, но с ошибками. Невверно прочитана дата: не «18» декабря,

¹²⁵ Майков Л. Указ. соч., с. 11.

¹²⁶ Кошелев В. Константин Батюшков. Странствия и страсти, с. 29.

¹²⁷ Там же, с. 251.

¹²⁸ Письмо от 1 февраля 1800 года: «...надеюсь к вашему приезду другой (рисунк, — Р. Л.) большой кончить». Письмо от 11 ноября 1801 года: «Что остается мне желать теперь? Ваш скорый приезд. Вы не замедлите онный, и я совершенно буду счастлив» (Батюшков К. Н. Соч., 1886, т. 3, с. 2).

¹²⁹ Письмо без даты: «Ваше молчание причиняет мне много печали. Ни одной строки с тех пор, как мы с вами расстались» (ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 16).

¹³⁰ Батюшков К. Н. Соч., т. 3, с. 3.

¹³¹ Там же, с. 2—3.

¹¹⁸ Письма Н. Л. Батюшкова К. Н. Батюшкову от 31 мая 1812 года и 24 июня 1808 года. — ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 24.

¹¹⁹ Майков Л. Указ. соч., с. 7.

¹²⁰ Инвентарный каталог библиотеки Батюшковых. — Устюженский городской краеведческий музей.

¹²¹ Картотека библиотеки Батюшковых. — Устюженский городской краеведческий музей. Подлинники хранятся в Музее-усадьбе Батюшковых в Даниловском.

¹²² Кошелев В. Константин Батюшков. Странствия и страсти, с. 14.

¹²³ Майков Л. Указ. соч., с. 7.

¹²⁴ Благой Д. Указ. соч., с. 17.

а «15» (в тексте — четко «15»); вместо «меркурпальные пивьяки» следует читать «меркурпальные (т. е. содержащие ртути) пиллюли»; вместо «жизненную машину» — «физическую машину». Цитат из Овидия, о которых пишет В. А. Кошелев, в письме Николая Львовича нет: упоминается лишь библейский царь Давид.¹³² Считая нужным привести строки о лекаре Глазове, который пользовал К. Батюшкова в Вологде, и об обычном для того времени способе борьбы с глитами, В. А. Кошелев почему-то опускает бесценный для биографа материал: «Твой жребий, который хочешь вынуть из урны, есть совершенно согласен и с твоими талантами, и с твоим характером. Припряженному быть к приказному столу (слова твои) есть дело для тебя невозможное. Я знаю всю цену достоинства твоего, знаю, коль несносно читать, а иногда и подписывать: высечь его кнутом, вырвать ноздри, послать на каторгу — а за что и почто Бог ведает».¹³³ Содержание письма К. Н. Батюшкова из Вологды, в ответ на которое пишутся эти строки, легко восстановимо. Оставив военную службу, 22-летний поэт оказался перед необходимостью нового выбора: «Что мне делать? Что начать?». В размышлениях о будущем возникает мечта (такая недосыгаемая) служить там, где он может «быть полезным»,¹³⁴ — по дипломатической части. Вопрос этот обсуждается не только с Гнедичем, но и с отцом, хотя, судя по реплике К. Н. Батюшкова, попавшей в письмо Николая Львовича, разговор принял теперь иное направление: «Припряженному быть к приказному столу (слова твои) есть дело для тебя невозможное». Тема «приказного стола», конечно же, появляется не случайно. Пример тому — горькая судьба отца. И не его ли имел в виду К. Батюшков, когда писал Н. И. Гнедичу: «Гнить не могу и не хочу нигде», «... гнить в ничтожестве не могу».¹³⁵ Письмо от 15 декабря 1809 года замечательно тем, что дает возможность услышать собственный голос Николая Львовича, приблизиться к его внутреннему миру: ведь официальные документы рисуют по преимуществу внешнюю биографию человека и даже в самом «личном» документе — прошении — он остается внутренне несвободным. Добавим к уже цитированной оценке собственной прокурорской службы («коль несносно...») язвительные замечания Н. Л. Батюшкова по поводу «Безбородко, Завадовского и подобных им»¹³⁶ — и ста-

нет ясно, почему он не мог сделать карьеры. Нет, отец и сын Батюшковы понимали друг друга и никогда не расходились в главном...

Цитаты из Гомера в письме Н. Л. Батюшкова сыну тоже не случайны. Этот античный поэт был их общим любимцем. Осенью 1809 года Константин Николаевич перечитывает его в Хантах: «Я любил всегда Гомера, а теперь обожаю: он, кроме удовольствия неизъяснимого, делает добро человечеству».¹³⁷ Сообщал ли он об этом в письме к отцу? Если нет — тем знаменательнее совпадение ощущений двух «сродственных душ», потому что и для настрадавшегося Николая Львовича в творениях Гомера заключалась нравственная опора: «Надобно уметь сносить с терпением возлагаемое с.вятым» провидением... но что же делать. Надобно почаще читать сии гомеровы стихи:

Мы листьям древес подобны бытием.
Одни из них падут от ветра сотрясены,
Другие вместо их явятся возрожденны,
Когда весна живет подсолнечну собой.
Так мы: один умрет, рождается
другой».¹³⁸

В инвентарном каталоге библиотеки Батюшковых значатся два издания «Илиады» Гомера (Paris, 1772 и Geneva, 1779).¹³⁹ 6 августа 1812 года Николай Львович обращается к сыну с просьбой прислать в «знак сыновней любви на французском» языке¹⁴⁰ «Илиаду» и «Одиссею»... Я, прочтя, в целости к тебе возвращу... Не позабудь о «Илиаде» и «Одиссее»... Ты много меня тем утешил».¹⁴¹ В 1801 году 14-летний Константин просил у Николая Львовича сочинения Ломоносова и Сумарокова, «Кандида» Вольтера, Геллерта, «также лексиконы».¹⁴² Теперь настала очередь отца. Судя по письмам Николая Львовича, литература была одной из постоянных тем их переписки. 31 мая 1812 года: «Массильоновы проповеди... пришли мне. Я, прочтя, доставлю их тебе обратно в... целости»; 6 августа 1812 года: «...Массильон я уже читал все части, взяв от здешнего протопопа. Проповеди, говоренные им в присутствии Людовика XV, мне очень понравились».

¹³⁷ Батюшков К. Н. Соч., т. 3, с. 66, 41.

¹³⁸ ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 24, л. 3, об.—4.

¹³⁹ Хранится в Устюженском краеведческом музее.

¹⁴⁰ Французскому языку отец поэта выучился самостоятельно. См. письмо Н. Л. Батюшкова дочери Ю. Н. Батюшковой от декабря 1816 года. — ГПБ, ф. 50, оп. 1, ед. хр. 31, л. 9, об.—10.

¹⁴¹ ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 24.

¹⁴² Батюшков К. Н. Соч., т. 3, с. 3.

¹³² Кошелев В. Константин Батюшков. Странствия и страсти, с. 93.

¹³³ ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 24, л. 4.

¹³⁴ Батюшков К. Н. Соч., т. 3, с. 63, 49.

¹³⁵ Там же, с. 49, 51.

¹³⁶ ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 24, л. 4, об.

Уже идет война. У Николая Львовича «голова вскружена как у Дон-Кихота, вооружение внутреннего ополчения занимает теперь каждого и всех». Он следит за политическими новостями в газетах, тревожится о сыне («И прошу тебя и молю, пиши ко мне хоть один раз в неделю») и читает Массильона: «...а при Людовике XIV им же сказанные (проповеди, — *Р. Л.*)... слишком сухи и длинные, и слово *Сильные Земли* не упоминается». ¹⁴³ Клермонский епископ Массильон бесстрашно рисовал пороки двора и общества («сильных земель», как он их называл); по-видимому, в речах знаменитого французского проповедника отца поэта привлекали прежде всего обличительные картины. Ум Николая Львовича по-прежнему остр и пытлив. И, кажется, сын о привязанности отца к книге помнит: «Вы читали несколько описаний Парижа, вы знаете, что Париж есть удивительный город; но я смело уверяю вас, что Петербург гораздо красивее Парижа... прошу Вашего благословения и молитв ваших; они меня поддерживали в опасностях». ¹⁴⁴ Письмо это послано в Даниловское из Парижа в апреле-мае 1814 года. В отцовской библиотеке (и Константин Батюшков знал это) описания Парижа были: Mersier, Tableau de Paris. T. I, VI. A. Amsterdam. 1783. и Tableau de Paris. T. XI. A. Amsterdam, 1783; T. XII. A. Amsterdam, 1788. ¹⁴⁵ Верится, что Константин Николаевич Батюшков «был похож на отца» не только «лицом... и всем обликом». ¹⁴⁶

Из обширной переписки Батюшковых сохранилось немного: пять писем отца и чуть более — сына. Стилистика писем Николая Львовича воспринимается В. А. Кошелевым проницательно. Но то, что исследователь называет «невозможной сентиментальностью», ¹⁴⁷ развившейся под влиянием старости, — всего лишь обычные для сентиментального сознания формы выражения. Н. Л. Батюшков «имел душу и чувствительное сердце». ¹⁴⁸ Его представления о том, каким должен быть отец, конечно же, сложились под влиянием «Эмilia» Руссо. Отец — не строгий наставник, а мягкий, гуманный воспитатель, внушающий добродетель

личным примером, товарищ, друг. ¹⁴⁹ Вот почему так огорчительно для него смена обращения в письмах сына, происшедшая после ссоры: «Оставь, мой друг, вперед писать милостивый!» ¹⁵⁰ государь» батюшка. Пусть будет по-прежнему... По-прежнему — значит: «любезный папенька», «любезный батюшка». Именно так начинаются дошедшие до нас письма поэта. Чувства, переживаемые Николаем Львовичем при разлуке с сыном, при получении письма от него, выражаются в традиционных для сентиментальной литературы формулах: «...омочил его (письмо, — *Р. Л.*) радостными слезами...». ¹⁵¹ Исторические эмоции исторического человека не могут быть объектом проники.

Место, которое в жизни Константина Батюшкова занимал отец, в концепции В. А. Кошелева отведено деду. Мысль об особой роли Л. А. Батюшкова в жизни внука явилась естественным результатом убежденности исследователя в том, что «с 1791 по 1797 год будущий поэт был оставлен в Даниловском именно на дедовых руках». ¹⁵² Первая дата — 1791-й (даже не 1792, хотя несколькими страницами ранее В. А. Кошелев датировал отъезд Батюшковых из Вологды 1791-м (после 21 ноября) или 1792 годом) — должна быть отвергнута потому, что единственное доказательство, на котором она основывается, — болезнь А. Г. Батюшковой, произвольно относимая исследователем к 1791 году. Об этом уже говорилось. Александра Григорьевна заболела в Вятке, не ранее лета 1793 года. Из Вятки Батюшковы уехали в конце мая 1794 года. Но значит ли это, что в жизни поэта был *вятский* период? Не знаем. Ответить на этот вопрос могут только документы. Их-то и надо искать. Вторая дата — 1797 год, — безусловно, подсказана самым ранним из известных нам петербургских писем

¹⁴⁹ Интересный материал для реконструкции взглядов Н. Л. Батюшкова на воспитание и характера его отношений с детьми можно найти в письмах Николая Львовича мадам Берте, содержательнице пансиона для благородных девиц в Ярославле [1816], и дочери Ю. Н. Батюшковой (1816—1817). — ГПБ, ф. 50, оп. 1, ед. хр. 31, 32.

¹⁵⁰ В. А. Кошелевым прочтено ошибочно: «мне». Цит. по подлиннику: ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 24, л. 1.

¹⁵¹ Цит. по: Кошелев В. Константин Батюшков. Странствия и страсти, с. 73. Та же стилистика и в письме 20-летнего К. Батюшкова отцу от 17 февраля 1807 года: «...надеюсь, что, увидя вас, исцелю все раны моими слезами радости, все раны, нанесенные вам рукою жестокой судьбы» (Батюшков К. Н. Соч., т. 3, с. 5).

¹⁵² Кошелев В. Константин Батюшков. Странствия и страсти, с. 21.

¹⁴³ ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 24.

¹⁴⁴ Батюшков К. Н. Соч., т. 3, с. 265, 266.

¹⁴⁵ См. инвентарный каталог библиотеки Батюшковых, хранящийся в Устюженском краеведческом музее.

¹⁴⁶ Воспоминания Помпея Николаевича Батюшкова цит. по: Кошелев В. Константин Батюшков. Странствия и страсти, с. 256.

¹⁴⁷ Там же, с. 70.

¹⁴⁸ Письмо Н. Л. Батюшкова сыну от 24 июня 1808 года. Цит. по: Кошелев В. Константин Батюшков. Странствия и страсти, с. 74.

К. Н. Батюшкова от 6 июля 1797 года. Но почему исследователь думает, что «Константин прибыл» в Петербург «недавно»? ¹⁵³ Как согласовать это со строками письма: «Вы не можете себе представить, сколь я сожалею, что так *дологое время* (курсив мой, — Р. Л.) не имел удовольствия получить от вас известия с новостями о вашем здоровье». ¹⁵⁴ Н. Л. Батюшков находился в Петербурге с 23 августа 1794 года. ¹⁵⁵ В прошении Павлу I от 21 августа 1798 года он скажет, что «жил здесь без жалования более трех лет». ¹⁵⁶ Весной 1793 года, как видно из документа, опубликованного В. А. Кошелевым, Николай Львович уже имел намерение определить сына в «корпус». ¹⁵⁷ Но значит ли это, что в 1794—1796 годах мальчик вместе с отцом находился в Петербурге? Не знаем. Только документы могут ответить и на этот вопрос. Будем искать документы. Пока обратим внимание на три обстоятельства, кажущиеся странными и потому нуждающиеся в объяснении. Похоронив жену, Николай Львович просит у генерал-прокурора «позволить» ему «на некоторое время отправиться в деревню, находящуюся в Вологодском наместничестве», для того чтобы «привести в порядок» «расстроенное состояние». ¹⁵⁸ Но если малолетние Константин и Варвара находятся в Даниловском, то тогда не естественнее ли было бы ожидать другой формулировки причины: «в Тверскую губернию для свидания с детьми»? В письме А. Н. Самойлову от 30 апреля 1796 года, пытаясь аргументировать невозможность своей поездки в Вятку (как этого требовал сенатор С. И. Маврин), Н. Л. Батюшков называет в качестве «препятствия» «бедственные обстоятельства» и «окружающее семейство в четырех малолетних дочерях и пятом сыне». ¹⁵⁹ И наконец, 14 августа 1796 года Н. Л. Батюшков сообщает Л. С. Бердяеву о своих долгах («в *пансионы* (курсив мой, — Р. Л.) за содержание... детей», ¹⁶⁰ в частности). Но ведь три старшие дочери Николая Львовича воспитывались в одном пансионе, принадлежавшем мадам Эклебен. Не значит ли это, что летом 1796 года Константин Батюшков уже был определен в пансион?

Косвенные доказательства, приводимые В. А. Кошелевым (с. 173), не убеждают. Из «Описи имущества села Даниловского», составленной Л. А. Батюшковым в 1796 году, следует только то, что в помещичьем доме были «детские горницы» и что младшие дети Батюшковых, Константин и Варвара, здесь бывали. Но ведь Константин мог лишь гостить у деда, а не жить в Даниловском «с 1791 по 1797 г.». Что же касается поэтических образов «дедовский кров», «дедовский прав», «дедовский устав», «солопка дедовска одна», то к ним можно прибавить еще более длинный ряд: «отечески пенаты», «хижина отцов», «Древний град моих отцов», «страна своих отцов», «край отцов», «отечески брега», «отеческий сосуд», «отчий кров», «родительский кров», «родительски поля», «останки праотцов», «меч прадеда»... В сознании К. Батюшкова эти понятия никогда не противопоставлялись. Они символизировали единое — Отечество.

Мысль о том, что детские годы К. Батюшкова прошли в Даниловском, высказана еще Л. Н. Майковым. ¹⁶¹ С тех пор прошло сто лет, а точными доказательствами на этот счет наука все еще не располагает. Когда нет документов, рождаются легенды... Попытаемся взглянуть глазами широкого круга читателей (ведь книги адресованы не только специалистам) на соответствующие разделы «документального повествования» В. А. Кошелева и «документальной повести» В. Афанасьева. Какой разноречивой фактов, оценок, какое противоречие характеристик: В. А. Кошелев пишет о том, что мать поэта «родилась около 1760 г.», ¹⁶² а В. Афанасьев утверждает, что женой Н. Л. Батюшкова она стала в 1772 году; ¹⁶³ по словам В. А. Кошелева, «специальные гувёрнеры» «вряд ли в Даниловское приглашались» и будущего поэта «первоначально... образовывал дед», ¹⁶⁴ а В. Афанасьев считает, что мальчик был «полностью» отдан «на попечение сестер и учителей-французов». ¹⁶⁵ В детстве Батюшкова, каким оно представляется В. А. Кошелеву, главная фигура — дед; В. Афанасьев о нем только упоминает, и главное лицо здесь — отец. Почему это произошло? Потому что отсутствие точного знания пытаются компенсировать предположениями и догадками. К тому же читатель лишен возможности проверить построе-

¹⁵³ Там же, с. 27.

¹⁵⁴ Батюшков К. Н. Соч., т. 3, с. 1.

¹⁵⁵ ЦГАДА, ф. 248, оп. 150, кн. 6642, л. 96.

¹⁵⁶ Там же, ф. 1239, оп. 3, ед. хр. 55091, л. 2.

¹⁵⁷ Кошелев В. Константин Батюшков. Странствия и страсти, с. 25—26.

¹⁵⁸ ЦГАДА, ф. 248, оп. 81, кн. 6713, ч. I, л. 546.

¹⁵⁹ Там же, кн. 6734, л. 294—294, об.

¹⁶⁰ ГАВО, ф. 178, оп. 10, ед. хр. 1294, л. 2.

¹⁶¹ Майков Л. Указ. соч., с. 8.

¹⁶² Кошелев В. Константин Батюшков. Странствия и страсти, с. 14.

¹⁶³ Афанасьев В. Ахилл, или Жизнь Батюшкова. М., 1987, с. 20—21.

¹⁶⁴ Кошелев В. Константин Батюшков. Странствия и страсти, с. 26, 25.

¹⁶⁵ Афанасьев В. Ахилл, или Жизнь Батюшкова, с. 23.

ния исследователей, он примет за истину и явное преувеличение: «Ее («Городовую обывательскую книгу Вологды», — Р. Л.) даже не назовешь книгой: огромная переплетенная рукопись около метра толщиной»¹⁶⁶ (заметим для справки, что толщина рукописи всего 30 см). Только почему нельзя сказать правду: «не знаем», «не сохранилось точных свидетельств», «не располагаем необходимыми данными»?

О матери поэта Александре Григорьевне Бердяшковой, урожденной Бердяевой, сегодня, как и сто лет назад, мы знаем только то, что она принадлежала к старинному дворянскому роду Вологодского края.¹⁶⁷ Разыскания прибавили немного. А. Г. Батюшкова была дочерью подполковника Григория Григорьевича Бердяева. Их родство подтверждается двумя документами, хранящимися в ГАВО: делом о «продаже... дому... подполковника Бердяева» (1786), в котором имеется «опись... учиненная Александрой Батюшковой»,¹⁶⁸ и свидетельством Грязовецкого уездного суда, где Григорий Бердяев назван ее отцом.¹⁶⁹ Дата рождения деда поэта по материнской линии (1725) определяется на основании данных Герольдмейстерской канторы. В «Списке шляхетных недорослей» о «Григоре Григорьеве сыне Бердяеве (из дворян)» сказано: «В 36 г. показал себе лет 11. За отцом 141 душ. Деревни имеет в Вологодском уезде».¹⁷⁰ В документах 1786 года о нем говорится как о покойном. Из служебной биографии подполковника Г. Бердяева известен один факт: в 1770 году он был выбран от дворянства «в комиссионеры при рекрутском... наборе».¹⁷¹ Судя по документам ГАВО, А. Г. Батюшкова наследовала после смерти брата, «флота лейтенанта Николая Григорьевича сына Бердяева», недвижимое имение «Вологодского наместничества Грязовецкой округи Угольской волости в деревнях... 250 душ».¹⁷²

Григорий Гаврилов сын Бердяев (1670—?) — по данным Герольдмейстерской канторы, он имел двух сыновей, Григория и Степана, и, следовательно, приходился К. Н. Батюшкову прадедом — «в службу взят из шляхетства в 700 г.». В 1703 году в составе эскадрона Астраханско-драгунского полка под командованием генерал-фельдмаршала графа Шереметьева он участвовал в сражении со шведами и был ранен («левая

рука перерублена, правая нога пробита»). «За ту баталью и раны» Григорий Гаврилович Бердяев был «пожалован капитаном», в 1720 году — произведен в вахмистры. Военной карьеры прадед поэта не сделал. За «называние себя ложно прапорщиком» «в челобитной своей в вотчинную коллегию» он был лишен вахмистерского чина, «написан в солдаты и отослан в сенатскую роту». 21 февраля 1727 года Г. Г. Бердяев был «отставлен от службы» «за старостью»: «...по всемпотнейшему ей императорского величества указу вина его отпущена и дан ему прежний вахмистерский чин». Прадед К. Н. Батюшкова по материнской линии имел «жительство в Вологодском уезде в Угольской волости в сельце Браткове; крестьян за ним во оном Вологодском да Пошехонском уездах в разных деревнях... мужеска полу 120 душ».¹⁷³ Большое количество документов о вологодских Бердяевых XVII—начала XVIII века хранится в рукописном отделе ГБЛ. И только несколько строчек, написанных рукою А. Г. Батюшковой: коротенькая приписка в письме мужа к Анне Львовне и Ивану Семеновичу Карауловым с трогательной просьбой «не оставить» ее дочери «Аннушки» («...за что сама буду стараться вам заслужить моей благодарностию»)¹⁷⁴ и подпись в официальном документе: «Александра Григорьевна дочь Батюшкова руку приложила».¹⁷⁵ Неужели это все, что сохранило время?

Работы В. А. Кошелева создавались с вполне определенной установкой: освободить монографию Л. Н. Майкова «от некоторых искажений и ошибок» (с. 169). Исследователь ввел в научный оборот новые документы (письмо мадам Эклебен, опись усадьбы Даниловское, материалы, характеризующие имущественное положение Батюшковых, и др.), новые факты (реконструирован послужной список Николая Львовича); он уточнил даты рождения сестер поэта Алек-

¹⁷³ ЦГАДА, ф. 286, оп. 1, кн. 90, л. 109, 109, об.

¹⁷⁴ ЦГИА, ф. 1101, оп. 2, ед. хр. 156. Письмо датировано 12 мая 1783 года и свидетельствует о том, что у А. Г. и Н. Л. Батюшковых уже было две дочери: «Аннушка» (по неизвестным нам причинам она жила в это время в семье сестры Николая Львовича) и «Лизонька», находившаяся вместе с родителями в Великом Устюге. Таким образом, предлагаемые исследователями даты рождения старших сестер поэта — Анны (1783 — Кошелев В. А. К биографии К. Н. Батюшкова, с. 171) и Елизаветы (22 декабря 1784 — Русский провинциальный некрополь. М., 1914, т. 1, с. 960) требуют проверки и уточнения.

¹⁷⁵ ГАВО, ф. 178, оп. 10, ед. хр. 414, л. 1, об.

¹⁶⁶ Красный Север, 1986, 11 мая, с. 4.

¹⁶⁷ Майков Л. Указ. соч., с. 8.

¹⁶⁸ ГАВО, ф. 178, оп. 10, ед. хр. 473, л. 2.

¹⁶⁹ Там же, ед. хр. 414, л. 4, об.

¹⁷⁰ ЦГАДА, ф. 286, оп. 1, кн. 227, л. 406, об.

¹⁷¹ ГАВО, ф. 178, оп. 10, ед. хр. 40, л. 19, об.

¹⁷² Там же, ед. хр. 414, л. 1, 1, об.

сандры и Варвары и т. д. Жаль, что результаты этих разысканий не учтены В. Афанасьевым. Но «исправляя» Л. Майкова, В. А. Кошелев порой только прибавляет ошибки: ведь ни одно из рассмотренных нами предположений исследователя документами не подтвердилось. И вообще, в какой мере биографу позволено «предполагать»? Где он должен остановиться, точнее, остановить себя? Но наша статья — вовсе не рецензия на книгу В. А. Кошелева. Ее пафос

в другом — в необходимости обстоятельных архивных разысканий.¹⁷⁶ Убеждены: научная биография писателя может строиться только на точном знании.

¹⁷⁶ Приношу сердечную благодарность сотрудникам ЦГАДА, ИРЛИ, ЦГИА, ГИБ, ГБЛ, ОПИГИМ, ГАВО, ГАКО, Устюженского и Череповецкого краеведческих музеев.

В. Г. Березина

К ЖУРНАЛЬНОЙ БОРЬБЕ НАЧАЛА 1830-х ГОДОВ

(ЦЕНЗУРНАЯ ИСТОРИЯ ВТОРОГО НОМЕРА
«МОСКОВСКОГО ТЕЛЕГРАФА» ЗА 1831 ГОД)

«Тридцатый, холерный год был для нашей литературы истинным черным годом, — писал Белинский в «Литературных мечтаниях». — Журналы все умерли, как будто бы от какого-нибудь апоплексического удара или действительно от холеры-морбуса».¹

В самом деле, в 1830 году прекратили свое существование девять журналов, в том числе «Вестник Европы», «Атеней», «Московский вестник», «Славянин», «Русский зритель», «Политический журнал». Временно приостановилось издание «Отечественных записок» и «Галатеи».

В этом году не появилось ни одного нового журнала, но зато стала выходить «Литературная газета». Издатель газеты А. А. Дельвиг сумел с помощью А. С. Пушкина объединить на ее страницах лучшие литературные силы.

С выходом «Литературной газеты» наметилось новое направление в литературно-журнальной борьбе, определились новые аспекты полемики. Главная борьба развернулась между журналом П. А. Полевого «Московский телеграф» (1825—1834) и «Литературной газетой». Это была борьба двух антагонистических социальных сил, причем в позиции каждой правительство усматривало проявление неблагонамеренности (правда, различной по своему содержанию).

Почти все участники «Литературной газеты» в свое время находились в более или менее близких отношениях с декабристами, поэтому «Литературная газета» воспринималась правительством и большинством современников как орган русского просвещенного дворянства, еще не утратившего связи с дворянской

революционностью, как орган политической оппозиции правительству. Именно этим объясняются постоянные нападки Булгарина в «Северной пчеле» (п многократные его донесения в Третье отделение) на недостаточную политическую лояльность «Литературной газеты», на забывчивость ее сотрудников, и прежде всего Пушкина. Впрочем, борясь с «Литературной газетой», Булгарин преследовал не только политические, но и личные цели: он видел в «Литературной газете» конкурента своей «Северной пчеле».

Серьезным противником «Литературной газеты», сильным в своей наступательности, был «Московский телеграф», который характеризовался Белинским как «решительно лучший журнал в России от начала журналистики», для издания которого «нужно было больше, чем смелость — нужно было самоотвержение».²

В отличие от всех изданий той поры, «Московский телеграф» был боевым антидворянским органом. Его издатель и основной сотрудник купец второй гильдии Н. А. Полевой известен как представитель буржуазно-демократического направления в русской общественной мысли, со всеми его сильными и слабыми сторонами. Противник крепостного права и дворянской монархии, дворянских привилегий во всех сферах жизни, Полевой мечтал о буржуазной монархии, которая должна создать благоприятные условия для свободной политической и экономической деятельности «среднего состояния» (промышленной буржуазии, купцов, ремесленников).

Критика дворянства как сословия, которая велась до 1830 года Полевым и его сотрудниками по журналу в плане

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953, т. 1, с. 87. В 1830 году в России свирепствовала эпидемия холеры.

² Там же, т. 9, с. 693. 688.